

Т.Ю. Токарева, К.С. Хайдаков (Сергиев Посад, Москва)

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ САБЕЛЬ КУЗЬМЫ МИНИНА И ДМИТРИЯ МИХАЙЛОВИЧА ПОЖАРСКОГО ИЗ СОБРАНИЯ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

САБЛИ КУЗЬМЫ МИНИНА И ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО, представленные в экспозиции Оружейной палаты Московского Кремля, являются одними из ярких экспонатов музейной коллекции. Однако принадлежность сабель указанным историческим лицам вызывает у нас обоснованные сомнения. Поэтому история возникновения легенды о происхождении этих экспонатов нуждается в дополнительном изучении. Кроме того, обнаруженные нами новые данные позволяют рассмотреть историю предметов до их поступления в Оружейную палату Кремля.

В 1830 г. из Троице-Сергиевой лавры в числе других оружейных памятников из троцкого арсенала «по высочайшему повелению» поступили две сабли в серебряной оправе. В документах на прием указывается, что они «по словесному преданию старожилов Лавры» принадлежали князю Д.М. Пожарскому и Кузьме Минину¹. В Оружейной палате они были распределены по принадлежности: сабля в ножнах «под зеленым хозом» приписана Д.М. Пожарскому, а «под черным хозом» – К. Минину. Тогда же они получили и точную дату вклада – 1612 г.² Однако в документах Лавры дата вклада отсутствовала, принадлежность же была обратная, что видно из примечаний на полях реестра 1829 г., где под первым и вторым номерами записаны, соответственно, сабли К. Минина и Д.М. Пожарского³ (ил. 1).

Между тем, в документах нет сведений о вкладе в Троицкий монастырь сабель князем Дмитрием Михайловичем Пожарским и гражданином Кузьмой Мининым в 1612 г. Кроме того, нет упоминаний о вкладах от них или их наследников каких-либо других сабель и в последующее время. Нет их и в нарративных источниках,

1. САБЛИ КНЯЗЯ Д. М. ПОЖАРСКОГО, 2. САБЛИ ПРАЗДАНИНА МИНИНА.

Отд. III.

№ 90

Ил. 1. Сабли Д.М. Пожарского (№ 1) и К. Минина (№ 2) из Оружейной палаты Московского Кремля. Рис. акад. Ф.Г. Солнцева // Древности русского государства, изданные по высочайшему повелению. Отд. III. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. Альбом. Ч. III. М., [1853]. Табл. № 90. Фото Г.Н. Плахута. 2016

рассказывающих о Смутном времени, в том числе в одном из самых известных – «Сказании об осаде Троице-Сергиева монастыря...» келаря Авраамия Палицына. Несмотря на то, что история осады, рассказанная им, содержит целый ряд неточностей, так как в это время он был в Москве, события, в которых он принимал непосредственное участие, сообщены келарем достоверно. Авраамий Палицын в 1612 г. находился в Москве при ее освобождении, о чем сообщает достаточно подробно, хотя и несколько преувеличивая свою роль в деле по примирению руководителей ополчения. Келарь Троицкого монастыря не забыл сообщить и о том, как он предложил казакам монастырские ценности, от которых они впоследствии отказались. Однако в «Сказании» ни слова не говорится о том, что после торжественного богослужения на Красной площади в честь освобождения Москвы, состоявшегося на Лобном месте, народные герои вручили в дар обители свои сабли. В других источниках, в которых повествуется о связях Д.М. Пожарского и К. Минина с Троицей и членами ее администрации, также отсутствуют данные о вкладе ими сабель⁴.

История появления легенды о принадлежности сабель Д. Пожарскому и К. Минину вместе с другими приписываемыми его вкладу предметами впервые была рассмотрена на конференции в Оружейной палате Московского Кремля в 2016 г.⁵ Изучение новых источников показало, что сабли хранились в монастыре до их передачи в Оружейную палату без известий о владельцах.

Возникает вопрос о действительной принадлежности указанным лицам хранящихся в Оружейной палате сабель, поступивших из лавры. Это заставляет нас вновь обратиться ко всем известным на данный момент документам, в которых содержится информация не только о рассматриваемых в настоящей статье, а также обо всех остальных, когда-либо хранившихся в Троицкой лавре.

Нам представляется крайне важным попытаться ответить на такие вопросы, как время и место создания предметов, этапы переделок, а также проследить их историю, зафиксированную в документах монастырского учета. Этим аспектам, на наш взгляд, в литературе не уделялось достаточного внимания, так как мнение об их принадлежности прочно утвердилось среди историков и специалистов.

Один из первых исследователей рассматриваемых вещественных памятников В.С. Курмановский в своей диссертации о сабельных клинках пишет, что сабля Минина «близка по своим морфологическим признакам к классической форме «шамшира» XVIII–XIX вв.»⁶.

Рассматривая форму и геометрию клинков изучаемых образцов, необходимо отметить, что относить клинки с большой кривизной лезвия к более позднему периоду (XVIII–XIX вв.) не совсем корректно. Распространенная версия об увеличении кривизны клинков персидских сабель, а также о снижении их веса с конца XVII в. представляется нам не совсем содержательной, тем более, что атрибуция предмета производится по комплексу признаков, таких как вид булата, способыковки, клейма, орнамента, материалы, форма эфеса и т. д.

Наличие сабель с разной геометрией клинка в собраниях музеев Московского Кремля, относимых к XVIII в., доказывает бытование разных типов сабель в Индо-Иранском регионе, и особенно в Персии. Это свидетельствует о взаимовлиянии культур оружейного искусства разных этнических групп и развитых торговых связях. Необходимо также учитывать и разделение длинноклинкового оружия по его функциональному – боевому или же парадному назначению. Наши исследования показали, что такой тип клинка, известный современным исследователям как шамшир⁷, являясь наиболее распространенным и функциональным типом «восточной» сабли, без сомнения, бытовал и в более ранний период. Формирование такого типа клинка мы можем отнести к XIV–XV вв.⁸

Так, известны шамширы с клинками разной кривизны, но со схожей геометрией клинка, относимые исследователями ко времени правления шаха Аббаса Сефевиды (1587–1629), хранящиеся в Военном музее Тегерана (Military Museum Tehran, № 323, 374, 394) и в Исламском музее Аббаса (Reza Abbasi Museum, № 1135); или, например, шамширы эпохи шаха Исмаила Сефевиды (1502–1524) из того же музея⁹.

В Музее армии Стамбула (Askeri Muze) также имеются шамширы с аналогичной формой клинка, датируемые серединой XVI в. (правление султана Сулеймана), которые считаются принадлежавшими ему. Конечно, мы можем подвергать сомнению указанную атрибуцию из названных музеев, но многие клинки из музейных коллекций имеют клейма мастеров и даты изготовления. Кроме того, они длительное время хранились в одном месте – арсеналах шаха (ил. 2).

Таким образом, рассматриваемые в нашем исследовании сабли К. Минина и Д.М. Пожарского по геометрии клинков следует считать примерами классических персидских шамширов с формой клинков, характерной для XVII в.

Ил. 2. Шамшир, середина XVI в. Стамбул. Музей армии.

В.Р. Новоселов одним из первых подверг сомнению принадлежность данных «реликвий» героям Смутного времени. Он указывает на ряд фактов, связанных с историей их передачи в Оружейную палату в 1830 г., акцентируя внимание на «сакральной» роли монастырских старожиллов в рождении данного предания¹⁰. В нескольких других публикациях также высказывались сомнения в их принадлежности, опирающиеся на новые данные¹¹.

Как уже было отмечено, в источниках нет упоминаний, что Дмитрием Михайловичем Пожарским и Кузьмой Мининым были вложены какие-либо сабли в Троицкий монастырь. Наиболее подробные сведения о вкладышах и вкладчиках в обитель Преподобного Сергия находим в троицких Вкладных книгах 1639 и 1673 гг., Описях имущества монастыря 1641/42 и 1701 гг.¹² Подробные перечни оружия с описанием сабель содержатся и в казначейских описях монастыря 1724, 1727, 1734, 1742, 1744, 1745, 1749, 1756 и 1789 гг.¹³

Полнота и достоверность указанных документов, на наш взгляд, не подлежит сомнению.

Наиболее подробные из них – это Вкладные книги 1639 года. Исследователями убедительно доказано, что источником сведений для них послужили аналогичные, но несохранившиеся книги предшествующего периода, из которых заносились сведения во вновь создаваемый кодекс¹⁴. То же относится и к описям казначейского имущества Троицы. Поэтому в них сохранялись первоначальные описания, переходившие из одной описи в другую, особенно при записи вкладов от известных лиц, но с добавлениями и уточнениями.

Единственным вкладом служилой «рухляди», поступившем от князя Д.М. Пожарского, были два комплекта воинского снаряжения вместе с лошадьми, данные им 10 января 1633 г. по своему рано умершему сыну Федору Дмитриевичу (27 декабря 1632 г.). Этот вклад описан детально: «141 (1633)-го генваря в 10 день боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский со своими детьми <...> дал жеребец аргамачей сер, седло кованное в чекан, серебро золоченое, покрыто бархатам золотным, на задней луке три бирюзки да три виниски червчатые, подпруги и пристуги и пуслища шелковые, у пристугов и у пуслищ наконешники серебряные, стремяна вольячные железные, на том же седле покровец турской, обложен бархатом рытым; муштук и ошеек, и паперсть, и похви серебряные оправные; уздочка серебряная, чепь поводная, а у ней два яблока, двои крюки все серебряные, вес 1 фунт 29 золотников. Да иноходец коур лыс, нагайской <...>, седло сафьянное, строчено золотом, подпруги и пуслища ременные, барс, пара пищалей в ольстрах, стволы и замки золочены, оправа на обоих серебряная, замки шкотцкие, узда и пахви, и паперсть серебряные белые, лысина серебряная окованная, ухват шелк лазорев, пряжка и з запряжником, и наконечник серебряные, морхи – шелк червчат з золотом, в цену за 100 за 80 за 5 рублей»¹⁵.

Как видим, сабель в данном вкладе не было.

Однако этот дар князя Д.М. Пожарского был продан троицким казначеем вскоре после поступления. На эти сведения ученые не обращали внимания ни в XIX, ни в начале XX в. Не заметили их и исследователи наших дней. Между тем, в Описи Троице-Сергиева монастыря 1641 года прямо сказано об этом: «*Муштук и ошеек, и пахви, и паперсть, и чепь поводная серебряны дачи князя Дмитрия Михайловича Пожарского по сыне ево по князе Федоре, и тот муштук со всем (выделено мной. – Т.Т.) по скаске казначея старца Симона (Азарьина) продан в 1635/6 году*»¹⁶.

Власти продали нарядный убор с вкладных лошадей, вероятно, потому, что князь неоднократно брал из казны монастыря в долг наличные деньги. Последний его займ в 300 рублей, залогом по которому он оставил в казне монастыря два дорогих ожерелья (похожие ожерелья упоминаются в его завещании), очевидно, выплачен не был, так как заемные расписки на него в тех деньгах хранилась в казне в 1641/1642 г.¹⁷.

Другие вклады Дмитрия Михайловича Пожарского, сделанные им на протяжении своей жизни в ТСМ, были денежными и земельными

ми. Из имущественных даров он завещал монастырю, кроме денег на помин души (100 р.), что указано в его завещании 1642 г., еще и некий канчер серебряный¹⁸. Обращает на себя внимание в тексте завещания одно указание князя, которое могло бы послужить основанием для предположений о получении монастырем от его семьи предметов воинского снаряжения. Вместо денег, назначаемых на поминание его души, он просит наследников давать обителям «служилую рухлядь, **которая детям не пригодится**». Однако записей о дарах от его родных какой-либо «рухляди» после его смерти во Вкладных книгах нет. Крупное село Берсенево, оставленное князем после смерти сына Федора, было впоследствии от монастыря отчуждено¹⁹. Служилая же «рухлядь», завещанная князем своим детям, и в том числе шесть сабель, как уже упоминалось, ни от них, ни от их наследников в Троицу не поступала. Однако обращает на себя внимание сходство одной из сабель, оставленной по завещанию 1642 г. старшему сыну Петру, которая была и оправной, и в ножнах «под зеленым хозом». К сожалению, пока не удастся проследить историю оставленных князем Дмитрием Михайловичем князю Петру сабель, который прослужил недолго, но и он саблю монастырю не оставлял. Его вкладом в ТСМ были, спустя три года после смерти Д.М. Пожарского, 11 лошадей стоимостью около 40 рублей, данные обители в 1645 г.²⁰ Другим предметным даром, но уже от вдовы князя Дмитрия Михайловича Пожарского Феодоры Андреевны, был вклад 1643 г. серебряного кадила через год после смерти мужа, но не по нему, а по ее родным: Андрею Васильевиче Голицыне и его жене инокине Марфе Васильевне²¹. Никаких других вещей от наследников князя Д.М. Пожарского в монастырь более не поступало.

Таким образом, связь выставленной в залах Оружейной палаты Московского Кремля оправной сабли «под зеленым хозом» с именем князя Дмитрия Михайловича Пожарского не подтверждается документами.

То же относится ккладам в Троицкий монастырь Кузьмы Минина, нижегородца, и его наследников. Они, по сравнению складами князя, были очень скромными. Незадолго до решающей битвы за Москву, а именно 29 сентября 1612 г., Кузьма Минин подарил обители довольно дорогого, очевидно, боевого коня. Это был «*мерин бур сросл по цене за 16 рублей*»²². Его сын «Нефед Кузьмин сын Минина» в 1631 г., спустя много лет после смерти отца, 10 марта, дал в монастырь 50 рублей денег. Других вкладов от его наследников более не упоминается²³.

Из источников известно и то, что князь Дмитрий Пожарский вместе со всей армией в августе 1612 г. находился в монастыре несколько дней перед походом в Москву. О каких-либо оставленных им тогда дарах сведений нет. С ним вместе в Москву был послан и знаменитый троицкий келарь, который пишет о том, что, наоборот, монастырь кормил, поил, снабжал кормами для лошадей и даже позднее передал драгоценные богослужебные сосуды для выплаты жалования воинам ополчения. Отсутствуют известия об оставлении Пожарским боевого оружия в монастыре и после того, как он за год до этого, в марте 1611 г., был перевезен из Москвы в Троицу на лечение после тяжелого ранения, полученного им в боях за Москву.

Итак, если бы К. Минин и Д.М. Пожарский вложили бы после победы 1612 г. свои сабли – то их вклад обязательно был бы отражен во Вкладной книге, как записан в нее даже весьма скромный дар Кузьмы Минина от 29 сентября 1612 г., поступивший в обитель в очень напряженное время.

Другой важнейший и наиболее репрезентативный источник по истории коллекций монастыря – это Описание его имущества 1641–1642 гг. В ней также нет сведений о каких-либо хранившихся в монастыре саблях в серебряной оправе. В описании оружейной палаты ТСМ, его казны, ризницы, а также в приписных к нему монастырях нет ни одной «оправной» сабли.

Всего сабель в ТСМ было к 1641 г. 217 штук. Они лежали в разных хранилищах. В Троицком большом монастыре в казначейских кельях «под ведением» старца Симона Азарьина лежали 200 сабель: «в третьем сундуке 200 сабель с ножнами»²⁴. Как мы полагаем, все они не были оправными, так как в Описи предметы с драгоценными металлами и камнями описаны особо, причем почти всегда с указанием веса. Кроме того, правительственная комиссия, «считавшая» монастырь в 1641–1642 гг. «по доносу некоторых, не боящихся Бога», пересчитала даже все гвозди, а также произвела контрольное взвешивание некоторых ценностей. Все это, безусловно, доказывает, что члены комиссии, перебирая и пересчитывая лежавшие в сундуке 200 сабель, обратили бы внимание на оправные, если бы они там имелись. Например, лежавший в другом сундуке в троицкой же казне шлем, украшенный полудрагоценным камнем «достоканом» и жемчугом «уродцем», особо оговорен²⁵.

Как мы уже писали ранее, эти 200 сабель в отдельном сундуке были крупной партией, очевидно, нового, однотипного оружия, за-

купленного казначеем для монастырского гарнизона: троицких слуг и стрельцов.

Если учитывать и практику продажи дорогого военного снаряжения (как и других не нужных в хозяйстве обители предметов), то не удивительно, что к 1641 г. в обители уже не хранилось ни одной оправной сабли. Справедливости ради надо отметить, что их поступило с 1534 по 1642 г. всего около десяти. Из них только две были оправными (за 18 рублей)²⁶.

К 1641 г. в ТСМ находилось еще 17 сабель, лежавших в Оружейной палате, о которых сказано лишь, что они были «целыми и ломанными»²⁷. Эти, очевидно, старые сабли перечисляются в общем потоке разнообразных бытовых предметов, инструментов и сырья, лежавших вместе с годным и уже нефункциональным оружием в Оружейной палате. Ни об одной из них также не сказано, что они имели какую-либо оправу или украшения. При этом отметим, что даже наличие росписи золотом на оружии, хранившемся в Оружейной палате, оговаривается отдельно, как и камни на шлеме, лежавшем в казне. Например, при описании 111 «саадачных лубьев», один из которых украшен росписью золотом, говорится: «111 лубьев саадачных с колчаны старых и новых, да лубье с колчаном, писано золотом»²⁸.

Таким образом, к моменту составления Описи 1641/42 гг. в ТСМ не числится ни одной сабли в серебряной оправе. К сожалению, в следующей большой Описи монастыря, относящейся к 1701 г., оружие и Оружейная палата не описаны, в ней показаны только пушки. Вероятно, ведомости Оружейной палаты того периода были составлены отдельно и пока не найдены.

Первые описания оружия, в том числе и ветхого, перечни которого сопоставимы с Описью 1641 г., относятся к 1724 г. Они содержатся в Описях монастырской казны. Отметим, что оружие и другие бытовые предметы числились по ним вплоть до середины XIX в., когда Святейшим Синодом после выхода правительственного распоряжения было приказано выделить все древности из казначейских перечней и вести их учет по Главным описям монастырской ризницы, в особом разделе. По этой причине составители Описи Оружейной палаты Кремля 1884 г., по аналогии с практикой тех лет, указали, что сабли Д.М. Пожарского и К. Минина хранились в ризнице лавры. Логично предположить, что место их хранения должно было быть среди драгоценных реликвий русской старины, однако сабли эти в

действительности лежали в Рухлядной палате среди других материальных ценностей, не более.

В этой связи важно отметить, что поскольку в монастыре в XVIII – первой половине XIX в. все оружейные памятники с драгоценными включениями хранились в Рухлядной палате, а не в ризнице, их нельзя перепутать с какими-либо другими. Потому что никаких иных оружейных памятников, имеющих серебряные украшения, описи казны не фиксируют, из сабель – только эти две.

Таким образом, принятие этих «реликвий» за другие исключено: из описи в опись переходят сведения только о них. Это позволяет проследить по документам именно их историю. Остальное оружие лавры, коллекция которого насчитывала несколько тысяч предметов, и в том числе сотни сабель, хранилось в Оружейной палате. Его перечни приводятся в описях казны. Однако среди него не было изделий с серебряными украшениями. Единственным исключением, по незначительности имевшегося на нем серебра, был длинный меч с небольшим серебряным набалдашником.

Итак, рассматриваемые сабли последовательно описаны во всех 9 казначейских перечнях с 1724 по 1789 г. Весьма важно, что в них находим информацию о происходящих с ними изменениях и их причинах. Особенно ценны данные описей казны по сабле, приписываемой вкладу Кузьмы Минина, ножны которой ныне обтянуты кожей черного цвета.

Рассмотрим их подробнее.

В 1724 г., в первой из описей, она описана так: «сабля, оправа серебряная по бархату черному, во шести местах золочена, пояс оправлен, тесьма шелковая, полоса булатная». Вторая сабля: «сабля, оправа серебряная по зеленому хозу, в пяти местах оправа серебряная золочена, полоса булатная». Это описание соответствует сабле, приписанной Д.М. Пожарскому. Однако у первой наличествует шелковый пояс с серебром, который, возможно, ныне находится на сабле в зеленой коже. На другой также есть пояс, но он простой, «столбчатый», а не в виде тесьмы, хотя и из красного шелка, и он ныне без серебра. В Описи Оружейной палаты Московского Кремля 1885 г. пояс сабли К. Минина без серебряных элементов.²⁹

Попытаемся разобраться с этим противоречием.

К 1734 г. к описанию «мининской» сабли добавлено: «по осмотру ножны изломаны и бархат опрел». Эта опись казны более обстоятельная, чем предыдущая, поэтому данная запись не означает, что

сабля в 1724 г. была целая, а потом она была сломана. Весь источник содержит пометы подобного рода, так как составлялся при передаче от одного хранителя другому, более взыскательному и внимательному. Это подтверждается другими примерами, на которых мы здесь останавливаться не будем³⁰.

Монастырские власти, из соображений экономии, принимают решение снять с этой сабли, «праздно» лежавшей в Рухлядной палате, серебро. Драгоценный металл в виде обрезков, слитков, снятых с ветхих или ненужных вещей, использовался для создания «новоманерной» посуды. Подобная ситуация произошла и с саблей К. Минина. К 1755 г. с нее снимают серебряные украшения, которые, согласно практике, передаются как материальные ценности для хранения в казну. Благодаря оставленному казначеем описанию, мы узнаем, какие детали были с нее сняты и какого они были веса. С сабли было снято: «серебряных <штук больших десять (!), малых – девятнадцать (!), да две гайки небольших, в коих приправах весом 1 ф. 36 зол. с половиною» (то есть 565,21 г)³¹. Указанные в описании ценные детали сабли свидетельствуют о высокой стоимости клинка и, следовательно, об особом статусе его владельца. Клинки, декорированные в подобном стиле, мы видим на оружии османских мастеров, например, на сабле из Музея придворного и охотничьего вооружения Австрии. Она датирована XVII в., ножны украшены десятью «обоймицами-бляшками», две из которых имеют кольца для крепления подвеса.

Мы полагаем, что некоторые детали сабли были отремонтированы: сломанные ножны укреплены, а истлевший бархат заменен на кожу. К сожалению, время ремонта нам не известно. По изображениям этой сабли хорошо видны следы чинки, в частности, серебряные накладки смотрятся неорганично. В описании сабли Оружейной палаты 1885 г. указано, что кожа на ножнах во многих местах распорота, что, возможно, является следствием ее усыхания³². Там же отмечен и факт, что наконечник отсутствует, но не сказано, что почти весь убор с сабли был утрачен, потому что информация об утере деталей была неизвестна.

Именно в таком виде сабли и были переданы в Оружейную палату Московского Кремля. При этом сабля под зеленым «хозом» как более ценная была определена сотрудниками музея как вклад Д.М. Пожарского, а та, что в черной коже, соответственно, приписана Кузьме Минину. Однако богаче и нарядней была, на наш взгляд, сабля в

**Ил. 3. Сабли Д.М. Пожарского (слева, № 5923) и К. Минина (справа, № 5924). Фототип. Художник Панова // Описание Московской Оружейной палаты. Издано с высочайшего его императорского величества соизволения. Ч. IV. Кн. 3. Холодное оружие. М., 1885. Альбом рисунков к Описи Московской Оружейной палаты. [1884].
Табл. 384**

Ил. 4. Сабли К. Минина (слева, № 5924) и Д.М. Пожарского (справа № 5923). Фототип. Художник Панова. Опись Московской Оружейной палаты. Издано с высочайшего его императорского величества соизволения. Ч. IV. Кн. 3. Холодное оружие. М. 1885. Альбом рисунков к Описи Московской Оружейной палаты. [1884]. Табл. 323

ножках под черной кожей, но, к сожалению, ее оправа весом около полкилограмма ныне утрачена.

Наиболее подробное описание сабель, а также рисунки с их изображением после их передачи в Оружейную палату содержатся в «Древностях российского государства»³³ и в Описи Оружейной палаты 1884 г.³⁴ (ил. 3, 4).

Благодаря найденным описаниям сабли из Описи 1724 г. и последующих, и в том числе описанию снятого серебра, появляется возможность представить ее первоначальный облик, что облегчает поиски аналогий.

Попробуем найти похожую саблю во Вкладных книгах среди поступивших после 1641/1642 гг. Описание одной из них привлекает особое внимание: «1642 года мая в 13 день по Иване Прохоровиче Войкове прислала вкладу жена его Ксения <...> за 50 рублей, саблю булатную кизылбашское дело, ножны оболочены бархатом черным,

оправа на ножнах серебро делано в чекан, и на поясе, и запряжки, и жуки серебряные ж, все золочено, пояс розных шелков, ткан в кружки»³⁵.

Таким образом, можно предположить, что сохранившаяся сабля «под черным хозом», ножны которой изначально были обтянуты черным бархатом, что соответствует описанию сабли из Описи казны 1724 г., могла принадлежать Ивану Прохоровичу Воейкову³⁶. Год его рождения неизвестен. Но так как во Вкладной книге сказано, что вклад сделан женой по душе, следовательно, он умер до мая 1642 г.

В других источниках находим упоминания о месте и роде службы И.П. Воейкова. Иван Прохорович упоминается в Дворцовых разрядах с 1627 по 1633 г., в частности, в должности московского полкового воеводы. В этом последнем году при подготовке Москвы к обороне от крымцев 24 июля ему был поручен участок острога за Тверскими воротами. «Того же (1633) месяца июля в 24 день указал государь быть для приходу Крымских людей, на Москве бояром и воеводам: <...> За Тверскими вороты Иван Прохоров сын Воейков»³⁷. За несколько лет до этого он числился московским дворянином, приглашался, например, к столу царя Михаила Федоровича в 1627 г. на праздник Богоявления в числе других служивых людей³⁸. Известно, что к царскому столу допускались лишь особо отличившиеся персоны или близкие родственники: случайных дворян редко награждали подобной честью. Перечень бояр и воевод, приглашенных тогда к царю, среди которых находился и боярин Д.М. Пожарский, убеждает в этом. Позднее, в 1630 г. Иван Прохоров сын Воейков упоминается окольничим для заимки станов при дворе патриарха Филарета Никитича во время двух богомольных походов 1630 г.³⁹

Таким образом, если сабля под черным хозом действительно принадлежала московскому воеводе Ивану Прохоровичу Воейкову, то она как боевое оружие русского дворянина первой трети XVII в. соответствует и времени, когда жил Д.М. Пожарский. Такое сходство позволило отбросить все сомнения в принадлежности предметов: в XIX в. предположения старожилов Лавры и соответствие эпохе оказались достаточными для атрибуции сабель.

Второй сабле, ныне приписываемой вкладу князя Д.М. Пожарского, точных аналогий пока найти не удалось. Сведения Вкладных книг ТСМ не дают ответа на этот вопрос. Из завещания князя Дмитрия Михайловича Пожарского известно, что он оставил своим сыновьям всего шесть сабель. Из них одна была оправной, и именно «под зеле-

ным хозом». Возникает вопрос: могла ли именно эта сабля оказаться вложенной в ТСМ после смерти владельца и его наследников?

Чтобы ответить на него, вновь обратимся к Вкладным книгам Троицы. Как уже говорилось, в них отсутствуют упоминания о вкладах сабель, поступивших от возможных наследников князя. Среди них и Петр Дмитриевич Пожарский, которому была завещана сабля «под зеленым хозом», его жена, дочери, зятья, внуки и внучки, умершие бездетными, имущество которых последовательно переходило от одного владельца к другому.

Остальные сабли, зафиксированные Вкладной книгой, поступившие в ТСМ уже после составления Описи 1641–1642 гг., среди которых могла быть сохранившаяся сабля «под зеленым хозом», как правило, поступали в комплекте служилой рухляди после троицких слуг. Из перечисленных Вкладной книгой сабель нет ни одной, описание которой можно было бы с относительно долей уверенности соотнести с сохранившейся.

Всего во Вкладной книге перечислено более 20 сабель, поступивших на протяжении второй половины XVII в. Из них наиболее близким аналогом может быть лишь одна, но очень условно. Сведения, сообщенные о ней, очень скупы и не могут служить основанием для атрибуции. «169 (1660)-го году декабря слуга Никита Кучин дал вкладом <...> саблю оправную полоса булатная, пояс у сабли шелковой, на поясу жучки и пряшки и наконешники серебряные».

Таким образом, вопрос о второй сабле нуждается в дальнейших изысканиях, тогда как нет никаких сомнений в том, что ныне приписываемая вкладу Кузьмы Минина сабля не может быть связана с его именем, так как не находит подтверждения в документах.

В.С. Курмановским приведены некоторые обмеры указанных сабель (по О.В. Двуреченскому). Клинок сабли К. Минина: длина (размеры даны для трех предметов сразу) 762–823 мм, ширина у пяты 30–35, кривизна лезвия 106–128, кривизна обуха 95–110, расстояние от конца клинка до участка максимальной кривизны обуха 340–380 мм. Полоса сабли Д.М. Пожарского: длина клинков сабель этого подварианта, выделенного В.С. Курмановским, колеблется от 830 до 860 мм, ширина у пяты сабли 35, кривизна обуха 75 мм⁴⁰.

Автор относит их к типу «клинков «архаической формы» без конструктивно выделенного расширения в прилежащей к концу части («селмани») и конструктивно выделенного острия, с однолезвий-

ным концом, аналогичных в этом отношении восточно-европейским сабельным клинкам XI–XIII вв.»⁴¹.

В свою очередь нам хотелось бы дополнить исследование В. Курмановского следующими наблюдениями.

Клинок сабли «Минина» по форме и геометрии является типичным для сабель Иранского региона сефевидского периода, выполнен из булата (к сожалению, разновидность булата и рисунок на поверхности сабли нами к настоящему времени не определен, потому что нам не представилось возможности для проведения соответствующего исследования).

На первой трети с правой стороны клинка сабли «Минина» выгравировано клеймо ромбовидной формы с надписью на арабском языке (указанной в описи 1885 г.): «Изделие Ахмеда мастера из Каира». Необходимо отметить, что клеймо такой формы пока известно в единственном экземпляре и не характерно для мастеров Ирана XVI–XVIII вв. Вероятно, оно может быть отнесено к мастерам мамелюкского Египта или кузнецу-египтянину, работавшему в Иране, на что указывает и ранний перевод надписи. К сожалению, перевод клейма по существующему в описи 1885 г. рисунку нам подтвердить не удалось (ил. 5).

Рукоять сабли, известная как «корабелла», характерна для сабель Ирана и Аравии, а также встречается на европейских образцах оружия этого периода⁴² (ил. 6).

Накладки (щечки) рукояти выполнены из клыка моржа, на одной из накладок видны следы ремонта – распил, который, вероятно, связан с ремонтом или заменой крестовины. На них же имеются три параллельные полосы-желобка у места крепления крестовины, которые, возможно, улучшали функциональные свойства сабли, так как при ухвате эфеса создавали дополнительное препятс-

Ил. 5. Клеймо на сабле К. Минина // Описание Московской Оружейной палаты. Издано с высочайшего его императорского величества соизволения. Ч. IV. Кн. 3. Холодное оружие. М. 1885. С. 183

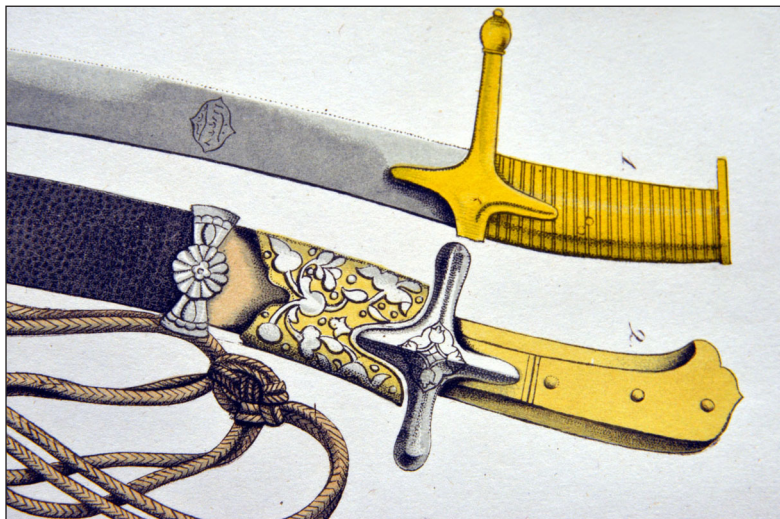

Рис. 6. Рукояти сабель Д.М. Пожарского и К. Минина.

Рис. акад. Ф.Г. Солнцева // Древности российского государства, изданные по высочайшему повелению. Отд. III. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. Альбом. Ч. III. М., [1853]. Табл. № 90.

Фото Г.Н. Плахута, 2016. Фрагмент

твие к соскальзыванию руки. Вероятно, эти желобки, размещенные с обеих сторон, могли также служить местом крепления обмотки шнуром или проволокой. На аналогичных иранских шамширах XVI–XVIII вв. крестовины изготавливались из булата или обычной стали. Крестовины и детали из серебра характерны для оружейных изделий турецких мастеров.

Также отметим, что цвет патины и окислов на крестовине несколько отличается от цвета устья и обоймиц – серебряных деталей ножен. Обращает на себя внимание то, что на верхней дужке крестовины с правой стороны эфеса видно место ремонта (заклепка?). Это может свидетельствовать о монтаже (поздней замене) или ремонте крестовины, что косвенно подтверждается и наличием распила костной накладке рукояти.

Ножны сабли выполнены из дерева, обтянуты черной кожей, украшены серебряными деталями, декорированными растительным орнаментом в восточном стиле, вероятно, выполненными местными или европейскими мастерами.

Навершие ножен железное, тогда как в Описи оружейной палаты указано, что оно было при поступлении медным. Кем и когда произведена замена, нам неизвестно.

Клинок сабли Д.М. Пожарского также типичен для Иранского региона сефевидского периода, выполнен из булата, на первой трети правой стороны клинка нанесено клеймо, выполненное инкрустацией золотом в технике «зарнашин» (золотая проволока закрепляется в вырезанных в металле желобках (канавках) и шлифуется «заподлицо»). Клеймо выполнено в виде картуша «тыковка» с надписью «Султан Али, изделие Нури, сына Арисера», такой тип клейма характерен для шамширов, изготовленных в оружейных центрах Ирана в XVII в. (ил. 7).

Ил. 7. Клеймо на сабле Д.М. Пожарского // Описание Московской Оружейной палаты. Издано с высочайшего его императорского величества соизволения. Ч. IV. Кн. 3. Холодное оружие. М., 1885. С. 183.

Эфес сабли выполнен из желтого металла (в Описях Оружейной палаты золоченого серебра), состоит из крестовины и рукояти. Верхняя часть крестовины (дужка) утрачена. Рукоять, на наш взгляд, отличается по общему виду от остальных деталей сабли, ножен и крестовины. Вероятно, она могла быть более поздним дополнением взамен утраченной. Форма рукояти сабли восточно-европейского типа, позднее такая форма встречалась на саблях и тесаках XVIII–XIX вв., как с дужкой для защиты руки, так и без, и выполнялась из сплавов меди.

Ножны изготовлены из дерева, обтянуты зеленой кожей. Детали ножен выполнены из позолоченного серебра, украшены геометрическим и растительным орнаментом, выполненным в смешанном восточноевропейском стиле. Отметим высокий уровень мастерства ювелира, выполнявшего для нее декор.

На наконечнике ножен нанесено клеймо в виде зашифрованной в монограмме надписи, вариантом прочтения которой может быть надпись: «ZELM». Аналогичные клейма в виде крестограмм или монограмм встречаются на европейском оружии и не характерны для восточных мастеров. По всей вероятности, монограмма нанесена

на ножны позднее, возможно, одним из польских владельцев клинка (ил. 8–9).

Клинки рассмотренных сабель, вполне вероятно, могли бытовать во время жизни вышеуказанных исторических персонажей. Это позволило, в соответствии с легендой, соотнести их с именами Пожарского и Минина, поскольку их облик не противоречит эпохе, в которую жили герои Смутного времени. Форма клинка была распространена в XVI–XVIII вв. на большой территории Индо-Иранского региона и Русского государства. При этом детали эфесов и ножен сабель могли изнашиваться, теряться и неоднократно переделываться в соответствии с традициями и модой в более поздний период.

Таким образом, изучив сохранившиеся документы и предметы, мы пришли к выводу, что никаких документальных подтверждений принадлежности указанных сабель К. Минину и Д.М. Пожарскому нет. Однако данные сабли как историко-художественные памятники, бытовавшие в среде русского воинства, представляют значительный интерес и нуждаются в проведении дальнейших исследований.

Ил. 8–9. Монограмма на ножнах сабли Д.М. Пожарского.

Рис. акад. Ф.Г. Солнцева // Древности российского государства, изданные по высочайшему повелению. Отд. III.

Броня, оружие, кареты и конская сбруя.

Альбом. Ч. III. М., [1853]. Табл. № 90.

Фото Г.Н. Плахута. 2016. Фрагмент;

Опись Московской Оружейной палаты.

Издано с высочайшего

его императорского величества соизволения. Ч. IV. Кн. 3.

Холодное оружие. М. 1885. С. 183.

- ¹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 4289; Ф. 396. Оп. 2. Д. 3452.
- ² «Ведомость старинному оружию, хранящемуся в Оружейной палате, которое по высочайшему повелению поступило из Троице-Сергиевой лавры». 1865 г.
1. Сабля князя Д. Пожарского 1612 г. Дл. 33 дюйма. Персидская, полоса булатная. В Оп. Оружейной палаты 1835 г. № 4847. Ч. 4; в Оп. Оружейной палаты 1861 г. № 5376. Ч. 3.
2. Сабля гражданина Космы Зах. Минина-Сухорукова 1612 г. Полоса египетская. Дл. 29 дюймов. В Оп. Оружейной палаты 1835 г. № 4848. Ч. 4; в Оп. Оружейной палаты 1861 г. № 5777. Ч. 3; ОРПФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. д/р. Д. 107. Л. 1–1 об.; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Кн. 3. Холодное оружие. / А. Вельтман/. М., 1885. С. 183–184.
- ³ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 4289. Л. 21–21 об. «Выписка из описей казенного лаврско-го имущества, какия по оным состоят оружия, учиненная ноября дня 1829 года».
- ⁴ Сказание Авраама Палицына / Подгот. текста и коммент. О.А. Державиной, Е.В. Колосовой. М.; Л., 1955. С. 213–228, 323–328; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Феодоровича, издан по списку князя Оболенского. М., 1853. С. 145–157; Д. Голохвастов (И. Забелин). Ответ на рецензии и критику «замечаний» об осаде Троицкой лавры // Москвитянин. 1844. Ч. IV. № 7. С. 155–161; (Азарьин Симон) Житие преподобного отца нашего Дионисия, архимандрита Сергиевой лавры, Радонежского чудотворца. Переведено со славянского в Свято-Троицкой Сергиевой лавре. СТСЛ., 1908. С.40–44 и др.; Книга о новоявленных чудесах преподобного Сергия Радонежского. Творение Симона Азарьина // Б.М. Клосс. Избранные труды. Т. I. М. 1998. С.482–545; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. IV. Т. VII–VIII. С. 635, 661–687.
- ⁵ Токарева Т.Ю. «Реликвии» Смутного времени: рождение исторических легенд. «Историческое оружие в музейных и частных собраниях». Международная научная конференция, посвященная 210-летию музея Оружейная палата». Москва. Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль» 8–10 ноября 2016 года.
- ⁶ Курмановский В.С. Сабельные клинки в России XVI–XVII вв: морфология и конструктивные особенности. Дисс. ... канд. ист. наук. МГУ. М., 2010. С. 152.
- ⁷ Хайдаков К.С. Шамширы, старые сабли и тайны древних мастеров. М., 2013. С.16; Он же. Персидские сабли, некоторые вопросы атрибуции. М., 2016. С. 1.
- ⁸ Хайдаков. 2016. С. 83–85.
- ⁹ Manouchehr Moshtagh Khorasani. Arms and Armor from Iran. The Bronze Age to The End of the Qajar Period. Germany, 2006. P. 429, 431, 436, 438, 441.
- ¹⁰ Новоселов В.Р. Судьба арсенала Троице-Сергиевой лавры: мифы и документы // Материалы и исследования. Федеральное Гос. бюджетное учреждение культуры «Гос. Ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»»; 21 / Отв. ред. А.Л. Баталов. Вып. XXI. М., 2012. С. 319.
- ¹¹ Токарева Т.Ю. К вопросу об истории оружейной казны ТСМ в XVII в. // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения. Вып. XI. Сергиев Посад, 2010. С. 79; Она же. Источники по арсеналу Троице-Сергиева монастыря XVII–XVIII веков // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. Ч. V. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 156.

¹² Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд-е подгот. Е.Н. Клитиной, Т.Н. Манушиной, Т.В. Николаевой. Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: «Наука», 1987 (далее Вкладная книга ТСМ); Опись Троице-Сергиева монастыря 1641/42 г. СПМЗ. Инв. № 289-рук ИХО.(далее Опись ТСМ 1641 г.); Переписная книга Троице-Сергиева монастыря 1701 г. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 27.

¹³ Описи казны ТСМ. СПМЗ. Инв. № 59-66 рук ИХО (далее Опись казны.); Опись казначейского имущества ТСЛ 1789 г. НИОР РГБ. Ф. 304. II. Д. 271; Опись имеющимся в Оружейной палате вещам, учинена июля дня 1825 года. РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 3893. Л. 10.

¹⁴ Клитина Е.М. Опись Троице-Сергиева монастыря 1641 г. // Древнерусское и народное искусство: Сообщения Загорского музея-заповедника. М., 1990. С. 7–16; Кириченко Л.А. Отписные ризные книги Троице-Сергиева монастыря XVI в. (к проблемам выявления, датировки, реконструкции) // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения. Выпуск XI. Сергиев Посад, 2010. С. 20.

¹⁵ Вкладная книга ТСМ. С. 100–101; Об этом вкладе упоминается также и в Кормовой книге ТСМ 1674 г. Кириченко Л.А., Николаева С.В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. Исследование и публикация. М., 2008. С. 168 (Л. 144).

¹⁶ Опись ТСМ 1641 г. Л. 464 об.

¹⁷ «На боярине на князе Дмитрие Михайловиче Пожарском по заемной памяти 300 рублей, в закладе в тех деньгах положено два ожерелья, одно ожерелье женское, низано жемчугом рефидью, и в нем 5 яхонтов лазоревых, да четыре лалы в гнездах, а у него 5 пугвиц золотых с чернью, резные с зерны гурмыжскими, и в них по четыре искры изумрудных и лаловых, а другое ожерелье мужское, низано жемчугом в шахматы, а у него два яхонта лазоревы, да лал на спнях з зерны гурмыжскими». Опись ТСМ 1641 г. Л. 373 об.; Ср. с описанием оставленных князем ожерелий дочери: «А что за дочерью мою за княжину Оксенью серги яхонты большие, да другие серги двойчаты лалы да изумруды, да что ожерелье выкупил п. и* Морозова* и тем всем душу ево поминал, истратил. А что достальноно моево приданово ожерелья орефид*, да обниз, да запястья, да монисто, да платья моево приданово, и то всей ей бедной княжине Овдоть*. Да что у ней взято ожерелья серги, а что серги яхонты лазоревы в закладе жены Морозовы* во штидесяти рублях на мои деньги, и те серги выкупить моими деньгами и отдать невестке моей княжине Марфе*». Цит. по: Эскин Ю.М. Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная история. 2000. № 1. С. 151–153; См. также о заемных кабалах в: Кириченко Л.А. Заемные кабалы по Описи Троице-Сергиева монастыря 1641 г. // ТСЛ в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы VI Международной конференции 29–31 октября 2008 года. Тезисы докладов VII международной конференции 23–25 сентября 2010 года. Сергиев посад, 2010. С. 92–100.

¹⁸ Эскин Ю.М. Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная история. 2000. № 1. С. 152.

¹⁹ Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII вв. М., 2004. С. 95.

²⁰ Вкладная книга ТСМ. С. 101.

²¹ Там же. С. 136.

²² Там же. С. 138.

²³ Люди Кузмы Минина (дворовые: татарин Петр Матвеев сын и шуянин Арист Федоров сын) по его смерти дали еще один вклад в ТСМ – дворовое место в Нижнем Новгороде в 1623 г., 17 января, которым могли пользоваться «до своего живота». Там

же. С. 271.

²⁴ Опись 1641 г. Л. 365 об.

²⁵ «Сундук, а в нем по старым отписным книгам шелом бухарской, на городке камышок достокан лазорев, да жемчуг уродец». Опись 1641 г. Л. 353 об.

²⁶ Эти две сабли были вложены в монастырь в 1626/27 г. по князе боярине Иване Васильевиче Голицыне от его вдовы Ульяны Ивановны // Вкладная книга ТСМ. С. 135.

²⁷ Опись 1641 г. Л. 476 об.

²⁸ Там же. Л. 475 об.

²⁹ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Кн. 3. Холодное оружие. М., 1885. С. 183.

³⁰ Токарева Т.Ю. Описи казны второй четверти XVIII в. в собрании Сергиево-Посадского музея-заповедника (к характеристике коллекции) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы VIII Международной конференции 3–5 октября 2012 года. Сергиев Посад, 2013. С. 243–252. Пометы казначея в тексте Описи казны 1734 г. опубликованы нами в: Токарева Т.Ю. 2016. С. 149–153.

³¹ Опись казны 1756 г. Л. 20 об.

³² Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Кн. 3. Холодное оружие. Издано с высочайшего его императорского величества соизволения. М., 1885. С. 183–184.

³³ «Эти две сабли поступили <...> вместе с седлом Князя Пожарского и бердышами, кольчугами и ружьями защитников Лавры, во время осады польскими войсками под предводительством гетмана Сапеги, в 1608 году. Сабля Князя Пожарского, полоса булатная, Азиатского выкова. Рукоять, огниво и на ножнах устье, и наконечник, и пять обойм по зеленому хзу, серебряные, золоченые; при сабле пояс из разноцветного шелку с серебром. Задней части огнива и украшения на верху рукояти недостает. Сабля гражданина Минина, полоса булатная, Азиатского выкова; рукоять костяная, огниво серебряное, ножны из черного хза с двумя серебряными же обоймами. Пояс – гайтан шелковый. Наконечника не достает». Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению. Отд. III. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. М.: В типографии Александра Семена, 1853. С. 84.

³⁴ «№ 5923. Сабля князя Дмитрия Михайловича Пожарского 1612 года. Полоса персидская, булатная, гладкая, длиною 33 дюйма, шириною 0,75 дюйма, на пяте клеймо с восточною надписью, насеченною золотом в переводе: “Султана Али”, “Изделие Нури сыра Арисера” (!–так). Лезвие сабли зазубрено и на конце ржавые пятна. Крест серебряный золоченый, один конец отломлен, черен обложен серебром золоченым, на нем пуговица медная, набалдашника нет. Ножны обтянуты хозом яриным, на них оправа, устье с кольцом, пять обоймиц, из них одна с кольцом и наконечник серебряные, золоченые, украшенные резьбою и оброну работою; на наконечнике резное клеймо или монограмма. Устье обломано; пояс шелковый, тесьма с золотом, на поясе пряжка, три запрыжника и крючек серебряные, обронные и золоченые. Эта сабля по окончании войны, была положена князем Пожарским в ризницу Свято-Троицкой Сергиевой лавры, где и хранилась до 1830 года, когда по Высочайшему повелению государя Николая Павловича, была передана в Московскую Оружейную палату вместе с описанною ниже саблею под № 5924, гражданина Космы Захаровича Минина-Сухорукаго. Обе сабли и седло Князя Пожарского препровождены в Палату при предложении наместника Свято-Троицкой Сергиевой лавры Архимандрита Афанасия, от 22 марта 1830 года за № 149. Дело Московской Оружейной палаты за 1830 год № 16. В Описи

1835 г. Ч. IV. Стр. 196, № 4847. Оценена в 100 рублей».

«№ 5924. Сабля гражданина Космы Захаровича Минина-Сухорукаго 1612 года. Полоса египетская, булатная, длиною 29 дюймов, шириною 1,25 дюйма, на пяте клеймо с восточною надписью; в переводе: “Изделие Ахмеда мастера из Каира”. Лезвие сабли зазубрено и вся она в ржавых пятнах; черен из белой кости; крест серебряный, с резьбою, на нем с обеих сторон сладено по три поперечных черточка. Ножны обтянуты хзом черным, на них усте и две обоймицы серебряные, обронная, местами золоченая; пояс столбчатый, из красного шелка, одна из обоймиц разорвана и кольца при ней нет, наконечника тоже нет и конец ножен обломан, оправа вся поломана, а кожа на ножнах и по швам распорота; пояс ветх. Поступала в Палату из Свято-Троицкой Сергиевой лавры в 1830 году вместе с саблею Князя Д.М. Пожарскаго.

В описи 1835 г., ч. IV, стр. 197, № 4848». Описание Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Кн. 3. Холодное оружие. Издано с высочайшего его императорского величества соизволения. М. 1885. С.183–184; Рисунки к Описи Московской Оружейной палаты. [1884]. [Фототип. худож. Панова]. Табл. 323 и др.

³⁵ Вкладная книга ТСМ. С. 130.

³⁶ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной его императорского величества канцелярии. Т. I (1612–1627). Стб. 878; Т. II. (1628–1645) Стб. 109, 132, 337. СПб., 1851 (далее Дворцовые разряды).

³⁷ Дворцовые разряды. Т. II. Стб. 336–337.

³⁸ Дворцовые разряды. Т. I. Стб. 878. 1627: «Того же году генваря в 6 день у государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси был стол, в золотой подписной палате, у стола были бояре: князь Юрья Еншеевич Сулешов, князь Дмитрий Михайлович Пожарской, окольничей, дьяки <...>, дворяня: <...> Алексей <...> Трубецкой, Иван <...> Голицын, Андрей <...> Сицкой, Лукьян <...> Стрешнев, Семен <...> Звенигородский, Иван <...> Засекин, Дмитрий <...> Лодыгин, Роман <...> Гагарин, Степан <...> Проестев, Иван <...> Безобразов, Иван <...> Кондырев, Иван <...> Козловской, Федор <...> Волконской, Федор <...> Чернаго–Оболенский, Иван Прохоров сын Воейков... (20 человек дворян)» (выделено мной. – Т. Т.).

³⁹ Дворцовые разряды. Т. II. Стб. 109, 132. 1630: «Того же году генваря в 13 день ходил великий государь святейший патриарх Филарет Никитич московский и все Руси в Звенигород к Саве к Сторожевскому, да в Боровск к Пафнутью чудотворцу, окольничие были перед государем патриархом: Иван Прохоров сын Воейков, да Григорей Иванов сын Борняков». «Того же году мая в 2 день ходи святейший патриарх Филарет Никитич в Володимер, в Рожественский монастырь, молиться. Перед ним по станом: Иван Прохоров сын Воейков...».

⁴⁰ Курмановский В.С. 2010. С. 155.

⁴¹ Там же. С. 148

⁴² Хайдаков К.С. 2017. С. 85.